

ГЛАВА III РОССИЯ СРЕДИ ДРУГИХ НАРОДОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

МЕЖДУ ПЛЕМЕНЕМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ

Уже забытой, кажется, исходной точкой становления современного общества являются локальные образования, племена. Начало истории — множество локальных культур, ориентированных на отождествление соответствующих локальных сообществ с человеческим обществом вообще. При этом члены других сообществ, имевшие другой тотем, могли рассматриваться как нелюди. Для начала человеческой истории, до появления «неолитических людей», геноцид, «поголовное физическое устранение» людей иных сообществ, племен, был правилом¹.

Каждый последующий шаг развития человечества включает поиск некоторой меры между полюсами дуальной оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества, правового государства», через смещение этой меры формируются формы единства народов, человечества в целом.

Возникновение объединений племен, народов постоянно опирается на племенные культуры, которые могут экстраполироваться на большое общество, создавать для него ограниченную форму всеобщего. Постепенно культура локальных сообществ интерпретируется, изменяется, этот процесс включает развитие культурного самосознания народов, осознание больших этнических и межэтнических формирований как ценности. С определенного этапа на этот процесс наслаивается возрастающая ценность личности. Попытка задержать его, т. е. возвратиться к чисто этническим сообществам, где личность растворяется в некотором абстрактном целом, может рассматриваться как форма расизма. Такой подход пытается свести большое общество к миру одного народа, одной языковой груп-

¹ Назаретян А. П. Интеллект во Вселенной. М., 1991. С. 114.

пы, одной религии, если она рассматривается как основание этнической общности. Представляется крайне опасным законодательное закрепление преимущества одного народа перед другим, злоупотребление представлениями о коренной национальности.

В основе гражданского общества лежит представление о высшей ценности личности как гражданина независимо от его принадлежности к той или иной племенной, национальной группе, религии и т. д. Племенное сообщество основано на представлении о своей естественности. Оно определяет происхождение каждого человека, его родство, своеобразную биологическую принадлежность к некоторой общности. Изгнание человека из нее равносильно смерти. Принятие в нее людей из других сообществ возможно, но оно рассматривается как их своеобразное перерождение, превращение, требующее инициации. В гражданском обществе общность основана на культурном принципе, согласно которому все в равной степени обладают правами человека, правом на защиту обществом независимо от тех или иных врожденных или приобретенных качеств. Очевидно, что у истоков традиционного общества лежат племенные культуры, тогда как гражданское общество и правовое государство являются разными определениями общества либеральной суперцивилизации.

Советское общество как многонациональное при своем возникновении встало перед проблемой определения своего места между полюсами все той же оппозиции «племенная культура — культура гражданского общества». Советское государство пыталось решить эту проблему, встав на позиции абстрактного интернационализма. Практически это была попытка отказа от племенной идеологии, попытка ее замены усеченной либеральной идеей о равноправии народов и граждан перед лицом государства. Слабость этой идеи, однако, как и слабость других усеченных либеральных идей, вошедших в систему официальной советской идеологии, в том, что она игнорирует культуру как особую форму реальности, игнорирует специфику различных культур. Общество отказалось от слияния с племенным полюсом и одновременно не могло слиться с противоположным полюсом. И здесь оно оказалось в промежуточном положении.

Идея интернационализма в той ее форме, как она сложилась в официальной советской идеологии, представляла собой, с одной стороны, некоторую абстрактную выжимку из разнообразия национальных культур, так как в каждой культуре содержится возможность диалога с другими культурами. Но, с другой стороны, в силу необходимости решать медиационную задачу она неизбежно была ориентирована на культуру или

культуры того народа или народов, которые представлялись наиболее важными, решающими в тот или иной момент, т. е. вопреки логике интернационализма тяготела к племенным ценностям. Эти два расколотых полюса разрушали друг друга внутри советской идеологии. Идеологическая интерпретация культуры или культур игнорировала все многообразие их богатства, но ориентировалась лишь на те аспекты, которые были необходимы для решения медиационной задачи. Стремление идеологии опереться преимущественно на одну культуру могло достигнуть такой силы, что фактически абстрактный интернационализм мог, по крайней мере на определенных этапах, стать формой, прикрывающей ведущий характер племенного принципа культуры.

Поиск меры осложнялся признанием права нации на самоопределение, что практически противоречило не только ориентации на ценность личности, но и ориентации на интернациональное государство. Фактически это означало признание в качестве субъекта государственности сообщества людей, связанных этнической племенной общностью и общностью территории. Эта идея близка к философии Версальского мира, творцы которого пытались провести в жизнь идею предоставления каждому народу своего государства. Практически это недостижимо, так как разные этнические группы живут совместно. Если некоторое этническое большинство сможет отделиться, то другие этнические группы, проживающие с ним, не смогут выделиться как субъекты. Следовательно, равноправие народов оказывается невозможным даже теоретически. В условиях СССР, где проживало 120 народов, идея формирования государства по национальному признаку не могла быть реализована. Во многих случаях даже нации, которые считались коренными, находились в меньшинстве. Представители одного и того же народа могли занимать разные территории, где ранее проживали разные народы, находились разные государства. Тем самым политика государственного устройства внутри бывшего СССР сталкивалась с невозможностью определить, какой народ должен быть субъектом на соответствующей территории. Во многих национальных автономиях РСФСР русские составляли более 80% населения. *Право наций на самоопределение непосредственно толкает к конфликтам, так как фактически оно дает право тем, кто сильнее. Выход заключается в ориентации на права личности, что в перспективе — возможно, отдаленной — ослабит фактор манипулирования границами, возможностью отделения и присоединения как способа решения проблем отдельных этнических групп, народов.*

Победа большевизма готовилась и была достигнута на основе истолкования массовых представлений о мире как столкновения космических сил, как борьбе бедных и богатых. Этот язык оттеснял на задний план истолкование конфликта Правды и кривды на основе этнических признаков. Однако идеология национальной унификации оказывалась в противоречии с ростом национального сознания в тем большей степени, чем активнее это сознание развивалось. При этом язык, связанный с этническими признаками, мог стать языком оппозиции, критики псевдосинкретизма. Социальная перестройка, сопровождавшая становление советского общества, не могла не активизировать рост национального самосознания. После 1917 года центр тяжести ценностей власти имел тенденцию смещаться от абстрактных интернациональных ценностей к ценностям племенным, что можно видеть, в частности, в победе Сталина над Троцким. Право наций на самоопределение в полной мере выявило свой фиктивный характер. После Сталина высшая власть приняла бесспорно одноплеменный (моноэтнический) характер, что, однако, не отменяло необходимости считаться с многонациональным (многоэтническим) характером общества. В этих условиях, как и раньше, стремление к порядку неизбежно приобретало характер унификации на основе ценностей народа, составляющего большинство.

В моей рукописи 1979 года было сказано: *«Ориентация псевдосинкретизма на русскую культуру не означает, однако, что эта культура процветает в ущерб другой. Господство псевдосинкретизма грозит русской культуре даже больше, чем культурам если не всех, то многих из народов, населяющих СССР. Эти народы могут черпать силы в борьбе с препятствиями, чинимыми культуре извне, тогда как русская культура, ее господствующая версия находится под гипнозом своей застывшей силы»*².

Массовое сознание России способно принять в свою среду любого человека независимо от его расы и национальности. Но оно не обладает развитой способностью устанавливать диалогические отношения с народами, стойко придерживающимися своих национальных ценностей. Об этом говорит И. Шафаревич: «Есть и типично русский порок в нашем отношении к другим народам... отсутствие внутреннего убеждения в их праве существовать именно в их самобытности». Шафаревич подметил, что русский человек считает всех людей равными себе в том смысле, что «сразу записывает их в русские», что свидетельствует о «неумении видеть границу, отделяющую нас от

² См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 2. С. 345.

других наций»³. Главный недостаток такого отношения заключается в том, что оно не содержит ответа на вопрос, как жить с другими народами тогда, когда выясняется, что они стремятся жить не как русские. Очевидно, *способность повседневного общения с другими народами на основании признания самоценности их самобытности формируется на протяжении длительного времени в городах, в условиях интенсивной торговли, взаимопроникновения сложных форм деятельности. Это имеет место в процессе урбанизации, роста, углубления специфической городской культуры.* В России, однако, этот процесс сильно задержался и носил характер псевдоурбанизации. Конфликт между абстрактным интернационализмом и ростом национального самосознания оказался неизбежным.

Далее я отмечал в 1979 году: *«Рост национального самосознания народов, населяющих СССР, несет опасность конфликта, если этот процесс не будет дополняться одновременно развитием способности к диалогу. Стрессовая ситуация, обострение борьбы за дефицит может послужить фактором, сталкивающим республики, фактором роста центробежных тенденций. Эти действия могут, в свою очередь, быть восприняты в России как национальное унижение, как поругание высшей Правды, что может толкнуть высшее руководство на опрометчивые и непродуманные акции»*⁴.

Этот прогноз 1979 года в принципе подтвердился. Изучение национального самосознания в Институте этнологии и антропологии АН СССР показало, что «державное сознание в условиях перестройки, ознаменовавшейся взрывом национальных чувств поначалу у нерусских народов, для русских стало опорной точкой в росте массового национального самосознания...»⁵

Далее в прогнозе предполагалось: *«Растущее национальное самосознание разных народов сталкивается с унификацией, с системой распределения дефицита. Каждая республика вынуждена постоянно вырывать для себя товары, ресурсы, капиталовложения и т. д. у правящей элиты. Истощение дефицита с железной необходимостью поведет за собой перераспределение кривой дефицита и, следовательно, некоторые республики, территории и т. п. окажутся ущемленными. Обделенные не согласятся страдать больше других. Система распределения дефицита для них остается иррациональной. В данном случае опасность конфликта коренится не в на-*

³ Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее?// Из-под глыб. Париж, 1974. С. 111.

⁴ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 345-346.

⁵ Дробижева Л. Кто завоюет русское большинство? Самосознание русских в годы перестройки// Независимая газета. 1991. 15 июня.

циональном самосознании, но в расколотом обществе, в раздирающей медиатор всеобщей борьбе за дефицит. Но поскольку решающее право распределения дефицита принадлежит высшему руководству, которое является властью России, борьба за дефицит неизбежно принимает формы конфликта между бюрократической элитой центра и национальных республик. Обострение положения, кризис дефицита на фоне роста национального самосознания может повести к углублению конфликта»⁶. Из этого в 1991 году делался вывод: «В связи с этим сохранение сложившегося порядка не представляется возможным»⁷.

Глубокое разнообразие народов, населяющих страну, столь велико, что они находятся фактически в разных цивилизациях. Одни из них в культурном отношении уже перешли границу либеральной суперцивилизации, тогда как другие находятся на дофеодальной стадии. Попытка каждого народа вырваться из тисков унификации, активизировать свои собственные ценности несет в себе опасность конфликтов, связанных с отличиями в ценностях. Это особенно ярко проявляется в условиях, когда одни народы развивают товарно-денежные отношения, тогда как другие рассматривают этот процесс как активизацию сил зла, как рост дискомфорта состояния. В этом случае этнический конфликт может выступать как результат конфликта ценностей натуральных и товарно-денежных отношений. Об этом, кстати говоря, свидетельствует конфликт с цыганами в Алапаевске, по поводу которого начальник милиции сказал, что если бы вместо цыган в городе проживала колония русских предпринимателей, то конфликт все равно имел бы место⁸.

РАСПАД ЦЕЛОГО

Молниеносный катастрофический распад СССР — свидетельство существования мощных сил распада, которые работали на разрыв, несмотря на, казалось бы, существовавшее хозяйственное единство страны. Это были прежде всего силы локализма, направленные на изоляцию регионов и сообществ, попытки стран и народов на волне роста национального самосознания встать на путь самостоятельного государственного развития. Это свидетельство того, что за время существования советской системы не было достигнуто реальных успехов в

⁶ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 346.

⁷ Там же.

⁸ Паишов А. Выстрелы в Алапаевске// Известия. 1991. 29 июня.

формировании механизма внутренней интеграции. Она практически осуществлялась в основном административными мерами, вплоть до террора, не были преодолены исторически сложившиеся колебания России между двумя крайними точками — максимальным сосредоточением власти у первого лица и максимальным сосредоточением власти в локальных мирах. Реальная сила механизмов интеграции на основе доэкономических, натуральных хозяйственных связей, на основе принудительного распределения государством ресурсов оказалась эфемерной. Все распалось почти мгновенно в момент катастрофического ослабления центральной власти.

Однако разрушение сложившегося порядка не сняло вопрос о том, какая система отношений должна установиться между бывшими советскими республиками. Очевидны определенные тенденции к сохранению отношений, в частности в сфере хозяйственных связей, проблем безопасности, получения выгодных дотаций, очевидно стремление сохранить привычные формы жизни, избегать конфликтов и т. д. Тем не менее этого оказалось мало для того, чтобы вдохнуть реальную жизнь в эфемерный СНГ. Локализм всегда несет в себе преобладание конфликта над сотрудничеством. Локализм — всегда реванш за издержки авторитаризма, как, впрочем, и наоборот. Наверх всплыли конфликтные ситуации по крайней мере двух типов. Во-первых, обострились исторически сложившиеся взаимные претензии, в том числе и территориальные. Во-вторых, в условиях синкретической государственности при отсутствии рыночных отношений, реальных стоимостных оценок в принципе невозможно рациональным образом найти всеобщий принцип перераспределения ресурсов, т. е. такой критерий, с которым все могли бы быть согласны. Это создает определенные предпосылки для конфликтов в каждой точке. В социально-психологическом плане в среде многих народов бывшего СССР часто проявляются представления, что все иные народы СНГ жили или живут за их счет. Начался новый цикл поиска меры между центром и периферией, где высокую значимость имеет стремление, хотя и имеющее разные формы и степень развития, возвысить племенные ценности, положить их в основу государственности. Поиск меры между стремлением абсолютизировать самобытность каждого народа и исторически сложившейся общей судьбой может не сопровождаться необходимым для эффективного решения ростом общей ответственности друг за друга, плюрализма, взаимной терпимости, самокритики собственной культуры и собственной истории. Невозможно игнорировать, что отставание в этой сфере, особенно при переходе от одного периода к другому, как и возможная насильст-

венная унификация, вдохновляемая имперскими амбициями, старыми обидами и т. д., перейдя определенную границу, может иметь трагические последствия для всех.

РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Советский период был связан с формированием новой идеологии, претендующей на господство. Какова ситуация сейчас? В 1979 и 1982 годах я писал: *«Можно предположить, что новый идеал будет носить значительно более национальные черты, чем существующий. В пользу такого предположения говорят по крайней мере следующие факты. Во-первых, следует ожидать обратной инверсии по отношению к идеологии переворота 1917 года, т. е. отхода от интернационализма, перехода к идеологии скорее славянофильской, чем западной»* (1979). *«Опасность заключается в том, что рост национального самосознания примет формы крайнего национализма, стремящегося отбросить другие народы, что развитие национального самосознания пойдет по пути развития националистического варианта манихейства. На то, что есть тенденции в этом направлении, обратил внимание еще Бердяев. В 1940 году он писал, что „вражда к национализму — русская черта“. В 1947 году его точка зрения изменилась: „Есть опасность национализма, которая есть измена русскому универсализму и русскому призванию в мире“⁹»* (1982). *«Во-вторых, продолжается медленный рост национального самосознания русского народа. В-третьих, сложившийся в стране своеобразный вакуум культуры создает благоприятные условия для обращения к православию. Исторически сложилось так, что в России обращение к православию превращается в форму национального самосознания, что опять-таки усиливает стремление к древним ценностям России. В-четвертых, растут определенные настроения своеобразного национального изоляционизма, осознание тяжести для России существования многонационального государства, сохранения обременительных связей с другими странами, которые, по мнению определенной части населения, обходятся нам слишком дорого. Растет усталость от мессианизма, горечь от инцидентов, подобных тем, которые имели с Китаем и Египтом, представление о том, что нас все эксплуатируют»* (1982)¹⁰.

⁹ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1991. С. 7, 305-306.

¹⁰ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 348-349.

С тех пор положение значительно усложнилось. «Недовольство ухудшением экономического положения в республиках и общей политической и морально-нравственной обстановкой (что особенно ощущалось в последние годы руководства страной Л. Брежневым и К. Черненко) проецировалось на Центр, который ассоциировался с русскими». В результате «у русских появились оборонительные, защитные, а у части и наступательные настроения... которые вызывали реакцию консолидации среди русских в самой России... Межнациональные установки русских ухудшились не только в республиках, но и в России... По опросам конца 80-х годов, доля русских с этническими предубеждениями возросла не менее чем в 1,5-2 раза»¹¹.

Существует опасная тенденция абсолютизации племенной культуры. Г. Шиманов давно защищал необходимость борьбы с диалогом между народами. Нации не должны «без нужды общаться с инородцами». «Национальные организмы должны быть замкнутыми и непроницаемыми друг для друга». Курьезно то, что эта программа крайнего национального локализма сочетается с идеей сохранения многонационального советского общества, которое рассматривалось как «мистический организм», состоящий из наций, «дополняющих взаимно друг друга и составляющих во главе с русским народом малое человечество — начало и духовный детектор для человечества большого». У Шиманова замкнутость наций каким-то образом сочетается с идеей всемирного православия. Налицо программа, которая прямой дорогой ведет к самоубийственным конфликтам между народами.

Подобные настроения могут найти отклик в национальных республиках. А. Амальрик предвидел, что в кризисной ситуации «крайне усилятся националистические тенденции у нерусских народов Советского Союза, прежде всего в Прибалтике, на Кавказе и на Украине, затем в Средней Азии и в Поволжье», что «в ряде случаев носителями таких тенденций могут стать национальные партийные кадры»¹². В конечном итоге можно предположить инверсионный переход от модификации идеологии извечной борьбы бедных и богатых к ее модификации как столкновения народов.

Автор «Снов земли» пишет: «Видимо, за попыткой догнать и перегнать Запад должен быть зигзаг обособления в себе, берложности и переваривания проглоченного... Кто знает? Может быть, почвенный зигзаг необходим» (Самиздат). Следователь-

¹¹ Дробижеева Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹² Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? (Самиздат); см. также: Погружение в трясину (Анатомия застоя). М., 1991. С. 672—673.

но, мысль о возможности существенного поворота к национальным ценностям как своеобразной реакции на период господства псевдосинкретизма в разных формах имела хождение в стране.

Исследования показывают, что на первых шагах перестройки до 1989 года как команда Горбачева, так и леводемократический фланг «не были ориентированы, за редким исключением, на использование национальных идей. И в этом была одна из особенностей России...» Ситуация изменилась с середины 1989-1990 года. Исследования показывают, что, «хотя русская „национальная идея“ в интерпретации патриотического направления общественной мысли широкой популярностью в массах тоже не завоевала, в целом национальные чувства, особенно в связи со вскрывшимися пороками прошлого, недопустимыми условиями жизни, достигли того предела, за которым могли последовать популистские взрывы. И в этот момент произошёл кардинальный поворот в использовании идей российского патриотизма... В мае 1990 года радикальное демократическое направление само выступило с наиболее популярными идеями национально-патриотического движения... Б. Ельцин активно отстаивал в своих предвыборных выступлениях идею российского суверенитета... К весне 1990 года русскую идею взяли на вооружение не только национально-патриотическое, но и демократическое движение... Все заметнее становилась поляризация сил и их конфронтация... „Демократической России“ победу в значительной мере обеспечивали идеи защиты интересов русских и ориентация на возрождение России»¹³. Отсюда, в частности, и возможность обращения к антисемитизму как языку, на котором может быть выражен самый архаичный разрушительный вариант роста национального самосознания. «Исследования показали, что существуют „анти-семитские настроения“... у 1/5 населения в Европейской части России... отмечались такие настроения и в Белоруссии»¹⁴.

Антисемитизм по своей сути играет важную роль как язык крайних форм традиционалистского движения, на котором разные группы пытаются установить контакт вовсе не только по поводу евреев, но по всем основополагающим вопросам судьбы страны, прежде всего по вопросам отношения к власти, к различным группам, их отношений между собой. Для этих людей еврей — это воплощение мирового зла, это вовсе не тот, кто еврей «по крови», «по паспорту», а тот, кто еврей «на деле», т. е. фактически любой человек, любая группа с иными установками. Антисемитизм не есть только отношение к ев-

¹³ Дробизева Л. Кто завоеует русское большинство?..

¹⁴ Там же.

реям. Это форма постоянного тренажа манихейской идеологии, постоянного сохранения готовности на место евреев поставить любую другую этническую или социальную группу.

В этой связи важен анализ событий в середине июня 1992 года вокруг Останкинской телебашни. Здесь собралась толпа с антисемитскими плакатами, с требованиями предоставления эфирного времени. Разумеется, можно было бы не упоминать эту кучку хулиганов, если бы не симптоматичность этих событий. Они показали, что, во-первых, имеется потенциал активизации деструктивных элементов, которые склонны к поискам самых крайних форм выражения своего эмоционального неприятия власти. Во-вторых, во главе этого движения становятся, как всегда, некоторые интеллигенты. Они могут использовать такое архаичное движение для своих политических целей как некое утилитарное средство, даже в том случае, если идеология этой толпы не совпадает с их собственными идеалами. Например, во главе этого сборища стал коммунист В. Анпилов, который пытался искать компромисс и договориться с властью. Однако идея компромисса не была поддержана толпой. Очевидно, только бескомпромиссное манихейство, поиск бесповоротно конфликтной манихейской интерпретации общества адекватны этой толпе. Раскол народа и интеллигенции постоянно толкает интеллигенцию приспособляться к волнам массового сознания. Данный слой интеллигенции вовсе не смущает, что он при этом теряет свою идентификацию. В-третьих, события в Останкине показали, что власть, по крайней мере ее часть, слабо представляет себе ситуацию. Она несколько дней делала вид, что экстремистский хулиганский шабаш с применением насилия против милиции — всего лишь одна из форм проявления демократии. Представители власти в ранге руководителя телевидения и министра правительства России вступили в переговоры с делегатами толпы. Все это свидетельствует о том, что по крайней мере часть представителей либеральной власти вполне способна под давлением архаичной разрушительной толпы сползти к любым самым крайним идеям, т. е. эта часть может согласиться на поддержку националистической инверсии. При этом речь ведь шла не о массовом движении, а о ничтожном сборище, для разгона которого достаточно было 50 милиционеров.

Этот небольшой эпизод свидетельствует, что все доходящие до глубин жизни России пронесшиеся над ней бури, начиная с Великих реформ прошлого века, не смогли изменить существенные параметры общества, и прежде всего не преодолели раскол. Он вновь и вновь время от времени ставит интеллигенцию и власть, каких бы идей они ни придерживались, на край

метафизической бездны, толкает и тех, и других к смене своих парадигм, к маскараду, и они слишком часто идут на этот маскарад, теряя себя, свое лицо, попирая элементарную нравственность.

РОССИЯ И ЗАПАД

Промежуточное положение России неизбежно делало ее отношения с Западом как носителем либеральной цивилизации проблемой первостепенной важности. Советская система при своем возникновении бросила Западу великий вызов. Западная цивилизация должна была погибнуть под ударами мировой революции, при свете наконец проснувшейся высшей Правды. Впечатление о справедливости этой точки зрения усиливалось тем, что Запад, пытаясь решить свои задачи, искал ответы, апеллируя подчас к иным культурам, включая культуру России. Обращение к ценностям Востока — старая традиция Запада. Еще с древности, с IV века до н. э., в античном мире нарастала тенденция идеализации скифов, которая существовала до самой его гибели. Вольтер ставил в пример Европе Индию, Китай, Россию, преувеличивая позитивные стороны политики русских царей. По его словам, Петр I «в двадцать лет изменил нравы, законы, дух самой обширной на земле монархии» и т. п. Существует целая история попыток западной интеллигенции отыскать альтернативу фашизму, в силу чего она закрывала глаза на то, что происходило в сталинской России. Это *стремление Запада искать Правду на Востоке сослужило плохую службу как России, так и самому Западу*. Инакомыслие России оказалось в изоляции не только внутри страны, но и в мировом масштабе. Противники Сталина не пользовались поддержкой на Западе. Мир боялся взглянуть в глаза реальности XX века и тем самым обезоружил себя перед совершенно новыми явлениями. Запад не осознавал действительного смысла великого вызова, не увидел позади кучки большевиков гигантской многомиллионной силы, не понял взрывоопасности раскола для России, для человечества. Очевидно, и сегодня Россия — стимул для сочинения на Западе некоторых мифов, в частности, используемых там в спорах о справедливости.

Запад выступает для России в разных модальностях. Он прежде всего — некоторое неизбежное условие нашей жизни, которое одновременно является воплощением мирового зла как средоточие и источник разложения, средоточие ложных учений и ложной жизни. Вектор конструктивной напряженности оппозиции «Россия — Запад» указывает, что от Запада к

нам идет зло. Это стимулирует страх, активность субъекта к защите наших ценностей, высшей Правды, усиливает страх перед отпадением, которое автоматически ведет к приобщению ко злу Запада. Эта интерпретация может приобрести жесткий манихейский характер, что влечет за собой рассмотрение оппозиции «Мы — Запад» как извечной борьбы космических сил.

Вместе с тем дуальная оппозиция «Мы — Запад» может рассматриваться *через интерпретацию Запада как непревзойденного источника реальных и потенциальных средств, образцов для наших целей*: техники, науки и т. д., которые могут быть утилитарно использованы буквально во всех сферах нашей деятельности, как источника кредитов и прямой помощи. Здесь вектор конструктивной напряженности меняет свою направленность на противоположную. Либеральный Запад может оцениваться и как источник целей, включающих, например, освобождение личности, права человека, достижение изобилия, справедливости, высокого уровня творчества и т. д.

Запад, с одной стороны,— это зеркало, в котором мы видим убожество наших условий, средств и целей, но, с другой — это культура, к которой мы постоянно обращаемся за помощью. Это мера всех вещей, воплощенная справедливость. На разных этапах развития общества Запад как полюс дуальной оппозиции может играть различную роль. Например, в условиях господства сталинизма манихейская модель была единственно возможной, тогда как на следующем этапе получила преобладание интерпретация Запада как неиссякаемого источника средств. Российский либерализм тяготеет к рассмотрению Запада как источника высших ценностей.

В самой либеральной цивилизации, однако, имели место существенные сдвиги. Запад при возникновении советского общества повернулся к России прежде всего своей негативной стороной, авторитарными режимами, фашизмом, который предпринял опустошительную войну против СССР. Все это подогревало, укрепляло манихейские представления массового сознания, питало манихейскую идеологию, оправдывало существование официального насилия, подавления человека. Теперь положение коренным образом изменилось. Выяснилось, что западный либерализм реально осуществил и осуществляет те идеалы, которые были вкраплены в официальную советскую идеологию, те ее аспекты, которые обещали народу блага в результате победы «социалистического» строя. Выяснилось, что именно либеральная цивилизация имеет ключ к научному, техническому прогрессу, к гуманизму, тогда как традиционализм мог сделать шаг вперед, лишь опираясь на научно-тех-

нические достижения Запада. *Образ алчного капиталиста, превращающего людей в золото, померк на фоне сталинских лагерей. В великом споре, который постоянно вели между собой традиционная и либеральная цивилизации, последняя одержала решающую победу.* Это не было еще достаточно ясно во время составления прогноза 1979 года, когда могло казаться, что Западу не хватит жизненных сил, чтобы парализовать внешнюю агрессию и враждебность традиционализма. Однако и тогда уже было очевидно, что, например, оккупация Западной Европы Советским Союзом, если бы она имела место, привела бы к катастрофическим для России последствиям в связи с ее неспособностью переварить достижения либеральной цивилизации.

Оказалось, что ценности либерализма, связанные с ростом значимости личности, благосостоянием, гуманизмом, свободой и творчеством, были не обманом, как это заявляла антизападная пропаганда, но реальными достижениями. Они оказались жизненно важными не только для либеральных стран, но и для всего мира. Либеральная цивилизация победила в кровавой войне те режимы и государства, которые использовали средства, наработанные либерализмом, для укрепления традиционализма, утверждения антигуманизма, восстановления племенных ценностей в масштабе большого общества.

Победа либерализма получила свое яркое выражение в войне против Ирака в 1991 году, которая стала в некоторых аспектах поворотным пунктом в международных отношениях. Во-первых, она со всей отчетливостью показала, что военные силы либерализма в состоянии парализовать возможность агрессивных войн, покарать, заставить отступить мощного агрессора. Во-вторых, можно говорить о том, что либеральная цивилизация практически достигла такого уровня военного превосходства, опираясь на свои нравственные, организационные, культурные, технические возможности, который не позволяет ее возможным противникам рассчитывать на решающую военную победу.

Развитие либеральной цивилизации совпадает с *формированием первой универсальной культуры человечества*, которая оказалась сильнее всех мировых религий по своей массовости, широте и глубине охвата, по своей способности превращаться в основу не только церкви, но и государства. Эта культура носит *плюралистический, диалогический характер*, позволяя одновременно культивировать и исторически сложившиеся культуры, т. е. сохранять самобытность, разнообразие культур. Она носит *динамичный характер*, имеет тенденцию опираться на науку. Эта культура во многом позволила либеральной ци-

визации в конечном итоге неуклонно повышать уровень сложных решений, затрагивающих судьбы стран и человечества, оставляя позади жалкие потуги провинциальных и невежественных лидеров России решать судьбы стран и народов. Именно в способности повышать эффективность принимаемых решений и лежит решающее преимущество либеральной цивилизации. Это стало особенно очевидно начиная с нового курса президента США Ф. Рузвельта, с разработки эффективных антикризисных механизмов. *Историческая практика либеральных обществ показала, что высокий уровень культуры и творческий потенциал дают эффект не только в локальных масштабах, но и на уровне больших обществ, гигантских объединений стран и народов, о чем свидетельствует развитие единой Европы.* Растущее число стран и народов поворачивается лицом к либерализму, традиционный Восток — прежде всего Япония, «четыре дракона» и еще ряд стран — все дальше отходят от господства традиционализма. Создалась новая ситуация, которая характеризуется *осознанием, что именно Запад и есть современное общество*, что сильно ухудшило условия для попыток традиционализма бороться против либерализма. Однако опыт истории учит, что массовые движения, положение которых ослабляется, например, слабеющие религиозные секты, тем не менее могут вступать в бой с удвоенной, удесятеренной энергией. Традиционализм подчас взрывообразным способом бросается на защиту своих ценностей. Об этом свидетельствует и антимодернизаторский взрыв в Иране, ожесточение традиционализма в разных концах мира, *терроризм*, который можно рассматривать как *последний бастион традиционализма*.

Следует отметить, что при взгляде из России победа либеральной цивилизации стала особенно очевидной в результате событий в странах Восточной Европы в 1989-1990 годах. В ответ на кризис они с разной степенью последовательности пытались встать на путь либеральной цивилизации, обратиться к потенциалу Запада. Человечество не выработало альтернативы этому пути разрешения проблем выше определенного уровня сложности, нахождения новых смыслов социальных проблем высокой сложности, поиска реальной «цветущей сложности» (понятие К. Леонтьева).

Сегодня, в третьем этапе нашей истории, значение Запада возрастает — как эталона, образца для всех, кто стремится к высокой эффективности. Мы, кажется, хотим быть Западом. Запад, однако, — это не только полные магазины, но и способность постоянно повышать эффективность воспроизводства во всех его формах. Истощение реальных воспроизводственных

ресурсов стимулирует нас видеть в Западе еще недостаточно используемый источник ресурсов в виде гуманитарной помощи. Основная помощь, которая нужна России,— это прежде всего рост конструктивной самокритики, рефлексии. Она нужна в достаточно глубоких и скрытых сферах, где возможности помощи, да еще в массовом масштабе, представляются ограниченными и даже нереальными.

Положение России как «застрявшей» между двумя суперцивилизациями, *возможность перехода к либеральной цивилизации не означает, однако, превращения России в Запад. Запад не тождествен либеральной цивилизации.* Предполагаемый переход России к либеральной цивилизации возможен как углубление, а не нивелировка российской специфики, углубление аспектов своей культуры, своей жизнедеятельности, которые ведут к либерализму. Существование Запада для России — постоянный стимул новых возможностей собственного развития, стимул критики собственного исторического опыта.

РОССИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Крах государственности в конце второго периода означал одновременно и крах КПСС, и полный развал мирового коммунистического движения. Тем не менее оно не исчезло. В России существует целый ряд коммунистических партий, которые считают себя преемницами КПСС с теми или иными оговорками. Кроме того, очевидно, что коммунистическое движение имело свои традиции, идущие от древней веры людей в возможность, вопреки росту государственности и социальной дифференциации, сохранить некоторые первобытные идеалы. Это стремление в тех или иных формах, по-видимому, никогда не исчезнет.

Важнейший аспект взаимоотношений Советской России с Западом заключался в том, что она при своем возникновении стала центром мирового коммунистического движения. Это само по себе идеологически как бы подтверждало, что наша Правда является и всеобщей Правдой. Вместе с тем существование этого движения в мировом масштабе свидетельствовало об определенных его объективных предпосылках и в других странах. Существование мирового коммунистического движения — довод в пользу того, что при всей самобытности России ее путь свидетельствует о некоторых общих закономерностях. *В принципе можно сказать, что коммунистическое движение эпохи либеральной цивилизации заключается в стремлении создать особую форму промежуточной цивилизации, соединить определенные элементы традиционных и либеральных*

ценностей, рассматривая последние в качестве средств. Причем это соединение должно отвечать решению медиационной задачи, соединению массового сознания с государственностью на основе утилитаризма. Этим коммунистическое движение отличается от эволюционного стремления на почве либерализма выйти за рамки капитализма и от прямого синкретического бунта, непосредственного стремления вернуться к старым временам. Оно отличается и от социал-демократии, которая идет по пути либерализма, но одновременно пытается создать мощную социальную защиту для тех, кто не способен воспринять либеральные ценности и потому с трудом вовлекается в сферу их действия или вовсе выпадает из этой сферы. *Коммунистическое движение несет в себе определенный элемент модернизации* и, следовательно, тяготеет к соответствующей идеологии, включающей не только отрицание либерализма, но и признание некоторых его ценностей. Эта двойственность придает ему определенную гибкость, но одновременно подвергает его опасности с двух сторон — со стороны как либерализма, так и традиционализма. *Коммунистическое движение связано с переходом от традиционной суперцивилизации к либеральной.* Оно достигало максимума энергии где-то в средних эшелонах стран и ослаблялось в первых и последних. Во всех эшелонах коммунистическое движение опиралось на идею руководящей роли рабочего класса как силы, реально, организовано воплощающей единство традиционализма и технических элементов либеральной цивилизации, идеи роста. Однако представления о рабочем классе в разных эшелонах стран были различны. В первых эшелонах возникла традиция включать в рабочий класс всех трудящихся, тогда как в последних — всех бедняков.

В первом эшелоне коммунистическое движение получило слабое развитие, так как стремление к либеральной цивилизации переварило традиционализм изнутри. Там не создалось мощной силы, которая стремилась бы решительно повернуть вспять, массовая база традиционализма неуклонно разлагалась. Крестьянские войны были уже позади. Вспышки недовольства рабочих не могли изменить общего направления развития. Кроме того, их борьба постепенно приняла характер столкновений на почве порядка, основанного на частной инициативе. Тем не менее в критическом отношении массового сознания к либеральному строю есть элементы, идущие от традиционализма. Он не исчез, но отступил на нижние уровни культуры.

Возникновение коммунистического движения связано со вторым эшелонам стран, где либерализм, чье развитие уско-

рялось внешними импульсами, пытался утвердиться, не приобщив в должной степени к своим ценностям весь народ. Возникновение марксизма в Германии было стимулировано страданиями рабочих — слоя населения, в то время еще близкого традиционализму, но попавшему в новые условия. Однако традиционалистский пафос Маркса преодолевался признанием относительной прогрессивности капитализма. Следы традиционализма можно видеть у Маркса, например, в рассмотрении денег как «всеобщего извращения индивидуальностей», но одновременно это не мешало Марксу оценивать их как «подлинно творческую силу» («Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Во втором эшелоне, прежде всего в Германии, Италии, возможно, Франции, коммунистическое движение получило значительное развитие, так как существовали слои, опасавшиеся дальнейшего движения вперед на либеральной основе. Идеал коммунизма здесь рисовался как использование всех достижений либеральной цивилизации путем соединения их с ценностями города, городского рабочего.

В третьем эшелоне, т. е. в России, коммунистическое движение пыталось изменить западный идеал коммунизма, с тем чтобы соединить ценности науки и техники, машинной цивилизации с общинными идеалами крестьянства, чтобы создать общество-общину. Кажущееся равновесие между традиционализмом и элементами либеральной цивилизации скрывало преобладание традиционализма, однако до глубины пораженного утилитаризмом. Коммунистическое движение в этом эшелоне, как и во всех последующих, отошло от точки зрения Маркса, что «коммунистическое движение никогда не может исходить из деревни, а всегда только из городов»¹⁵. Большевик делал ставку на город, но сами города с их слабо развитой городской культурой оказались захлестнуты деревней, и сами господствующие идеалы не порывали с традиционализмом деревни.

Возможно, к последнему эшелону можно отнести Кампучию, где была сделана попытка в максимальной степени вернуться к древним формам цивилизации, истребить утилитаризм, городскую культуру, интеллигенцию, квалифицированных рабочих, всех, кто как-то возвысился над средним уровнем. Использование средств либеральной цивилизации сводилось практически к военной технике. Тем самым это движение лишь с определенной натяжкой можно расценивать как коммунистическое.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 350.

Из прогноза 1979 года: «Хотя коммунистическим движениям всех этих эшелонов присущи общие черты, тем не менее склонность к монологу заставляет их опасаться друг друга. Особенно опасны близкие формы. Если вектор конструктивной напряженности Маркса повернут вперед, т. е. к прорыву через капитализм, то Кампучия Пол Пота стремилась к восстановлению догородского первобытного традиционного общества. Весь спектр векторов компартий расположен между этими двумя точками. В сущности, на своих флангах оно теряет свою специфику. На одном фланге (Кампучия) оно сливается с чистым синкретизмом, на другом (еврокоммунизм) — становится формой либерализма. В последнем случае возникает опасность антилиберальной реакции в самих партиях.

Трагедия коммунизма заключается в том, что его цели отвечают определенным формам промежуточного сознания, образа жизни, но не отвечают принципиальным возможностям социальной деятельности и социальной организации. Это движение может овладеть совершенной техникой, но не может соединить в одно два разнородных типа общества, как невозможны способные к воспроизводству биологические гибриды далеко отстоящих друг от друга видов»¹⁶.

Коммунистическое движение третьего эшелона (т. е. России) в условиях раскола приобрело специфическую форму большевизма, так называемой партии нового типа. Эта партия в силу своего ошеломляющего успеха в 1917 году создала образец для всех иных партий, ставших на путь имитации большевизма в самых различных конкретно-исторических условиях. Коммунистическое движение в своей большевистской версии опиралось на способность людей создавать интеллектуальные построения, внутренняя логика движения которых способна постоянно амбивалентно ориентироваться не только на некоторый принцип, но одновременно на его отрицание, ориентироваться одновременно на отрицающие друг друга ценности двух цивилизаций, на постоянный устойчивый поиск их отношений, на формирование общества, основанного на хромающих решениях. Большевизм направлен на формирование государственности особого типа, которая в процессе решения медиационной задачи была способна манипулировать государственным аппаратом, армией, самой партией, профсоюзами, церковью и т. д. Большевистская версия коммунистического движения ставит своей задачей быть выразителем настроений и интересов миллионов людей, что делает его утилитарную

¹⁶ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 357-358.

беспринципность результатом мозаики культурной ситуации общества, стремления сохранить цель в бурном море социокультурных перемен. Это, между прочим, означает, что коммунистическое движение в исторической перспективе открыто и либерализму, как, впрочем, и традиционализму, т. е. двум противоположным вариантам своего самоотрицания. Именно этим объясняется возможность возникновения либеральных коммунистических правящих элит, способных добровольно или почти добровольно отойти от власти в критических ситуациях в тех случаях, когда именно этот шаг позволяет уменьшить опасность дезинтеграции общества. Это явление можно было наблюдать в ряде стран Восточной Европы. В условиях перестройки в СССР можно было наблюдать попытку сознательного смещения центра власти от партийных структур к государственным, что завершилось крахом партии как инструмента власти и победой либерализма.

В целом коммунистическое движение не имеет четких границ и выступает как диапазон утопических движений, стремящихся интегрировать общество на основе того или иного варианта синтеза эрозированного традиционализма, вооруженного либеральными средствами, с усеченным либерализмом. Коммунистическое движение в конечном итоге — всего лишь проявление попыток традиционализма приспособиться к новым процессам, к различным эклектически вырванным элементам либеральной суперцивилизации, к новому уровню потребностей, но при одновременной парадоксальной попытке низвести эти элементы до собственного уровня. Поэтому культурное и идеологическое содержание этого движения в разных странах (включая бывшие республики СССР) существенно различно, что сознательно или неосознанно вуалировалось унификаторскими устремлениями центрального руководства КПСС.

Значение коммунистического движения заключается также в том, что оно показало: на переломе между двумя суперцивилизациями возникают мощные движения, препятствующие этому переходу. Они могут носить разный идеологический характер, включая национализм, фундаментализм, формировать различные идеологические гибриды.

Коммунистическое движение, само его название оказалось сильно дискредитировано (везде, кроме России) не только в результате его краха в СССР, открывшего картины неслыханных преступлений, но и ярко выраженной его повсеместной нефункциональности, повсеместной неспособности решать реальные проблемы. Однако опыт этого движения, прежде всего его способность создавать веер сочетаний традиционализма и усеченного либерализма, гибридных сочетаний нравственных

идеалов, одобренных утилитаризмом, открывает путь для понимания сути бесконечных аналогичных движений, которые ищут другую идеологическую окраску, в частности религиозную, для подобных эклектических сочетаний.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Борьба за высшую Правду в мировом масштабе придавала внешней политике псевдосинкретизма совершенно особый метафизический смысл. Люди, ее проводившие, чувствовали себя носителями Правды, что освобождало их от всяких нравственных норм, что, впрочем, не мешало им соединять свое представление о Правде с утилитарными целями, подчас примитивными и узкими.

Высшая Правда, в условиях господства псевдосинкретизма вписывавшаяся в манихейский миф, требовала вражды к Западу. Идея высшей Правды постепенно проникалась утилитаризмом — некоторым неопределенным представлением о необходимости максимизации пользы для нас и максимизации вреда для наших реальных и потенциальных противников. Разумеется, сами критерии пользы и вреда носили случайный характер и не поднимались выше уровня обыденного сознания. Поэтому просчеты во внешней политике стали повседневным делом. Внешнеполитическая тактика позволяла получать маленькие выигрыши, но постоянно вела к проигрышу в главном, вела к ослаблению связей с миром, подрывала интеграцию мира. Если утилитаризм в своих расчетах не в состоянии опереться на реальные тенденции, он неизбежно порывает связь с глубоким ходом истории и поэтому в конечном итоге проигрывает.

«Например, захват Афганистана остался бы просчетом даже в случае быстрого военного решения, так как он является вызовом крепнущему нравственному идеалу человечества, отвергающему вооруженное вторжение одной страны в другую. Это вторжение приводит к проигрышу в главном, оно усиливает военную опасность, ослабляет страну, увеличивая число народов, которые будут ждать удобного момента, чтобы освободиться от оккупации» (фрагмент 1980 года)¹⁷.

Просчетом была довоенная внешняя политика, закрывавшая глаза на агрессивность и авантюризм фашизма, политика, которая уничтожила буферные государства между СССР и Германией и открыла врагу путь в страну, манихейская поли-

¹⁷ См.: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. С. 359.

тика, питаемая враждой к либерализму и приведшая к катастрофе 1941 года.

Из прогноза 1979 года: *«Просчетом является современная внешняя политика, которая в определенном смысле — инверсия на довоенную. Она направлена на подготовку к войне в таких масштабах и такими методами, что приводит к росту военной опасности. Внешняя политика, основанная на псевдосинкретизме, неуклонно разрушает сама себя. Можно лишь удивляться тому, насколько утилитарная политика, оценивающая себя как основанную на расчете и анализе реальности, в действительности склонна действовать вопреки ситуации, поддаваться инверсионным силам, инверсионной реакции на прошлые неудачи, действовать по аналогии с прошлыми удачами, не замечая, что мир уже стал другим.*

Современный утилитаризм не учитывает, что сила сеет страх во всем мире, а страх не только вызывает ответную подготовку к войне, но и сам по себе является грозной опасностью. Страна, постоянно увеличивающая свой военный наступательный потенциал, страна, которая за последние несколько десятилетий постоянно увеличивала свои территории, зону, занятую войсками, склонная оказывать „братскую помощь“, включающую ввод войск, не может не внушать возрастающего страха, а эскалация страха — путь к войне»¹⁸.

Внешняя политика шестого «застойного» этапа поставила страну в изоляцию, превратила ее в глазах всего мира в опасного агрессора. Общий отказ от манихейской идеологии на седьмом этапе привел к отказу от манихейской внешней политики. Это, несомненно, было результатом не только принципиального изменения господствующего нравственного идеала, но и понимания явной невыгодности с точки зрения утилитаризма, безусловного стремления к максимизации пользы «нам» и вреда «им», даже если критерии утилитаризма формируются на основе манихейских представлений. Успех внешней политики на седьмом этапе — свидетельство патологического характера прошлой внешней политики. Тем не менее опасность возвращения к манихейству существует. Эта возможность вытекает из более общей возможности краха господствующего антиманихейского нравственного идеала, что неизбежно вызывает мощную потребность в смене идеологии, в возврате к представлению о существовании различных внешних и внутренних врагов, т. е. создает иную культурную основу для внешней политики. Это может быть новая версия всемирного

заговора против России «руссофобов», которые окажутся «виноваты» во всех бедах. Не исключен такой поворот в результате внутренних конфликтов, в которые могут оказаться втянуты пограничные, а возможно, и более отдаленные страны. Не исключен и вариант прихода к власти сил с имперскими амбициями, пытающихся поднять племенное сознание до масштабов большого общества. Одним из стимулов этого является катастрофический распад СССР и растущая в результате этого унижения национального чувства обида за непризнанную Правду, за «неблагодарность» и т. д.

Здесь нет, разумеется, автоматизма. Возможен разрыв между оголтелым идеологическим манихейством и относительно спокойной внешней политикой. Опыт прошлого, однако, не свидетельствует в пользу высокой способности правящей элиты на такое опосредованное мышление.

Внешняя политика — не только результат внутренних процессов. Она зависит от партнеров, от их знаний правил, по которым ведется наша внешняя политика. Очевидно, что если партнеры поведут себя таким образом, что сделают манихейскую политику утилитарно невыгодной, т. е., например, слишком дорогой, то это послужит фактором отхода от манихейства утилитарной внешней политики. Внешняя политика до этапа перестройки постоянно колебалась, с одной стороны, между манихейским стремлением предотвратить опасность сближения и, в конечном итоге, перехода к либеральной цивилизации, с другой стороны — достижением того, что в тот момент считалось пользой. Внешняя политика, следуя логике хромающих решений, металась между «принципиальностью» и «реализмом».

Горбачев отказался от рассмотрения войны с мировым империализмом как естественного результата раскола мира на лагери социализма и капитализма. Это был отказ от идеи внешнего врага как определяющего фактора всей жизнедеятельности общества, от возможности черпать энергию для интеграции общества в страхе перед мифическим злом, в запугивании общества жупелами империализма, сионизма и иных внешних врагов. Сменилась модель мира, но в итоге расколотое общество лишилось важного интегратора, что снизило массовое признание ценности государственности, способность ее воспроизводства.

Одновременно изменился геополитический взгляд на мир. Манихейская картина мира была проста: весь мир делился на два антагонистических лагеря, готовящихся к очередной смертельной схватке. Между ними могла иметь место промежуточная сфера, части которой следовало различными тайными и

явными средствами перетягивать на нашу сторону, чтобы усилить свою позицию перед неизбежной схваткой. Теперь же мир распался на великое множество особых стран и народов. К ним неожиданно присоединились и бывшие республики СССР со своими многочисленными и сложными проблемами и претензиями к России. Здесь нужна была новая внешнеполитическая философия, новый взгляд на геополитику, принципиально отличную от прошлой. Изменилась не только философия, модель мира, но фундаментальные факторы геополитического положения России. Добываясь суверенитета, руководство России фактически возглавило на республиканском уровне борьбу за ослабление и уничтожение СССР. Составные части СССР из внутренних частей империи превратились для России в «ближнее зарубежье», отношение с элементами которого стало сложной проблемой. Объективно Россия оказалась отодвинута от Запада, от нее в первую очередь отделились западные республики, что усиливало в стране незападнические элементы и вместе с тем парадоксальным образом сочеталось с поворотом внутренней и внешней политики страны к западничеству. Попытка заключить устойчивое соглашение между тремя славянскими государствами, превратить их союз в некий костяк нового содружества окончилась неудачей, так как силы локализма, недостаточная потребность бывших республик друг в друге в условиях активизации локализма, всеобщее стремление каждой из стран, выделившихся из СССР, усилить свои позиции в борьбе за монополию на дефицит противостояли различным формам этого объединения. Между тем хозяйственная дезорганизация, опасность взаимных конфликтов по бесчисленным поводам, отсутствие пригодных и освященных опытом способов разрешения взаимных проблем толкали в противоположную сторону. Но силы локализма, страх перед тем, что руководство России займет место имперского центра, до сих пор стимулируют безоглядный распад, включая разрушение хозяйственных связей.

Оценка современной геополитической ситуации и превращение этой оценки во внешнюю политику при давлении различного рода доктринерских представлений являются важной проблемой. Существует явное стремление ориентировать внешнюю политику на борьбу за возвращение к СССР, что является практически либо маниловской абстрактной мечтой, ностальгией по прежним временам, либо стремлением к ослабленному варианту объединения славянских республик, что также не встречает у них реального отклика.

Важнейшая особенность новой геополитической ситуации заключается в опасности распада страны и в возникновении

реального давления на южных границах. Миграционные потоки, которые раньше шли из центра на периферию во всех доступных направлениях, столкнувшись с препятствием, повернули в противоположную сторону. Окончился многовековой процесс колонизации окружающей территории. Не пойдет ли следом миграция страдающих от перенаселения народов?

Сложность реальной внешней политики усиливается сегодня необходимостью выработки определенной внешнеполитической позиции по множеству проблем, возникающих в результате распада СССР. Важнейшая из них — отношение к представителям русскоязычного населения, которые оказались в различных государствах, в различных, подчас конфликтных ситуациях. Всякие попытки притеснения этого населения по языковому и этническому признаку в новых государствах могут иметь и для этих государств, и для общей ситуации крайне негативные, дестабилизирующие последствия. В связи с этим перед Россией стоит сложная задача четкого разделения международного права и защиты этих людей.

Нельзя закрывать глаза и на то, что глубочайший упадок, в котором сегодня находится страна, является важнейшим фактором отношений с внешним миром, так как без нормальных отношений с Западом нет реальных надежд преодоления хозяйственной разрухи. Разумная внешняя политика поэтому должна ориентироваться на страны, которые могли бы в этих трагических для России обстоятельствах оказывать ей максимальную поддержку. Среди таких стран следует указать не в последнюю очередь на Японию, культурно-исторический и экономический потенциал которой, заинтересованность в совместных проектах могут оказаться исключительно важными не только с экономической точки зрения. Большое значение могут иметь отношения с Израилем, так как многие из израильских бизнесменов испытывают ностальгию по России и склонны оказывать поддержку различным проектам. Кроме того, израильские деятели лучше других знают не только то, как решать проблемы в специфических условиях России, — они могут легче других вступать в контакт с нашими предпринимателями и чиновниками.

Сложность положения России в современном мире требует развития связей с разными регионами мира, исключает одностороннюю ориентацию на Запад или на Восток и требует постоянных попыток установления двусторонних связей со всеми странами, в первую очередь с сопредельными, что должно тормозить всякие попытки изоляции.

Важной сферой внешней политики должна явиться попытка создать институционализированные механизмы решения некото-

---

рых общих проблем, оставшихся в наследство от бывшего СССР,— от хозяйственных до экологических и борьбы с преступностью. Особенно важным представляется создание механизмов, предотвращающих вооруженные конфликты.

Не следует забывать, что историческое банкротство заставляет нас с величайшим вниманием искать пути решения двойной задачи: с одной стороны, совершать мучительную работу самоуглубления в диалоге с другими народами; с другой стороны, находить меру между собственной инерцией в использовании своего сложившегося опыта и следованием чужому опыту.